

УДК 821.161.1-31(Погорельский А.)

П.К. Жижко
Екатеринбург

**Языковые репрезентанты нереального в повести
А. Погорельского «Лафертовская маковница»**

Аннотация. В статье разобрано понятие «нереальный мир», выявлены его коннотации, представлен этнолингвистический анализ слов с фантастической семантикой в повести А. Погорельского «Лафертовская маковница». В качестве модели анализа принята этнолингвистическая триада «семантика – синтактика – парадигматика», выявлены сакральные смыслы образов, использованные в повести, и их значение для восприятия семантики нереального представителями русской культуры, дающая возможность представить комплексную характеристику понятия «нереальный» применительно к художественным текстам русской литературы рубежа XVIII-XIX веков. Утверждается новаторство А. Погорельского, личности, которая не только следовала фольклорным традициям, опиралась на стереотипные образы, но и сумела модернизировать их.

Ключевые слова: элементы нереального, нереальный мир, стереотипы, повести, русская литература, русские писатели, этнолингвистика.

Сведения об авторе: Жижко Полина Константиновна, студент 3 курса Уральского государственного университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; zhzhkoo@mail.ru.

P.K. Zhizko
Yekaterinburg

**Linguistic representatives of the unreal in the story
of A. Pogorelsky “Lafertovskaya makovnitza”**

Abstract. This article explores the concept of “unreal world” and reveals its connotations. It is represented by ethno-linguistic analysis of words with the semantics of the fantastic in the tale by A. Pogorelsky “Lefortovskaya makovnitza”. The Russian ethnolinguistic triad “semantics – syntactics – paradigmatics” is accepted as a model of analysis. The sacred meanings of the images used in the novel and their significance for the perception of the semantics of the unreal by the representatives of Russian culture are revealed, which makes it possible to present a comprehensive description of the concept “unreal” in relation to the literary texts of Russian literature of the turn of the 18th and 19th centuries. Innovation of A. Pogorelsky, the person who not only followed folklore traditions, relied on stereotypical images is approved, but also managed to modernize them.

Keywords: elements of the unreal, unreal world, stereotypes, novels, Russian literature, Russian writers, ethnolinguistics.

About the author: Polina K. Zhizko, 3rd year student of the Ural State University (Yekaterinburg).

Продуктивным, с нашей точки зрения, является анализ понятия «нереальный мир» в сопоставлении с понятием «реальный мир», поскольку именно в этом устойчивом противопоставлении они представлены в сознании носителей языка.

Проанализируем ряд словарных дефиниций.

Реальный 1. Действительно существующий, *невообразаемый*. Реальная действительность. 2. Осуществимый,

отвечающий действительности. 3. Практический, исходящий из понимания подлинных условий действительности [Ожегов, 1988, с. 584].

Из этой дефиниции выделяются семантические компоненты понятия «реальный»: «невоображаемый», «отвечающий действительности».

Нереальный 1. Не существующий в действительности, *воображаемый*. Н. мир. (фантастический). 2. *Несоответствующий реальному положению*, невыполнимый [Ожегов, 1988, с. 352].

Методом ступенчатой идентификации определим характерные признаки нереального мира, для этого рассмотрим в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и в «Словаре иностранных слов» синонимы слова *нереальный*, через которые толкуется исходное понятие (т. е. те элементы словарных дефиниций, которые выступают семантическими идентификаторами толкуемого понятия).

Невероятный. *Неправдоподобный*, такой, к-рому невозможно поверить [Ожегов, 1988, с. 342-343].

Волшебный. *Действующий волшебством*, обладающий чудодейственной силой [Ожегов, 1988, с. 82].

Иллюзорный. *Призрачный, обманчивый*, кажущийся [Словарь иностранных слов, 1989, с. 191].

Анализ словарных дефиниций позволяет выделить основные черты «нереального»: установка на несоответствие реальности, похожесть на фантазийность, выдумку, с волшебными чертами.

Исследуем повесть А. Погорельского «Лафертовская маковница», которая является наиболее яркой в ряду фантастических повестей русской литературы рубежа XVIII и XIX веков. Выясним, какие элементы нереального использует А. Погорельский, к каким стереотипам в сознании человека русской ментальности апеллирует, проанализируем их в этнолингвистической триаде: *семантика – синтакти-*

ка – прагматика. Данная модель анализа используется для более глубокого анализа семантически наполненных элементов, создающих образ нереального.

А. Погорельский строит свою повесть на стереотипах, которые и у человека массовой культуры ассоциируются с нечистой силой, колдовством. Рассмотрим термин «стереотип» и модернизацию стереотипов в повести «Лафертовская маковница».

«Стереотип – это некоторое представление фрагмента окружающей действительности, некая ментальная «картинка», обладающая рядом специфических для нее свойств, некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации. Причем не о конкретном предмете или конкретной ситуации, когда-либо имевших место – неважно, в реальной или «виртуальной» действительности – и впоследствии приобретших статус «прецедента», но о предмете или ситуации, так сказать, «вообще» [Брилева и др., 2004, с. 19]. Итак, стереотип – заложенное в сознании человека представление о чем-либо, вызывающие соответствующие коннотации.

Рассмотрим, как А. Погорельский использует в своей повести стереотипы, как на них выстраивается содержание повести. Как отмечает Н.И. Коновалова, «с одной стороны, опирается на стереотипы, с другой, – тонко иронизирует над некоторыми их проявлениями» [Коновалова, 2014, с. 5].

Например, чувствуется ирония над домостроем как над устаревшей формацией общества: *«... но с тех пор как розы на ее [жены] ланитах стали уступать место морщинам, Онуфрич вспомнил, что муж есть глава жены своей, – и бедная Ивановна с горестью принуждена была отказать от прежней власти».*

В повести представлены не только реалии быта, эпохи, но и фольклорные традиции, образы, сюжеты. Важным и

сакрально значимым является троекратный повтор. В данной повести он используется дважды и всегда связан с образом старухи. Три раза семейство Онуфрича посещало тетушку: сначала сам Онуфрич, во второй раз Ивановна с Машей, в третий – одна Маша. Именно в третий раз и происходит таинство колдовства. Трижды видит ее Ивановна после смерти: *«ей показалось, будто покойница разинула рот и хотела схватить ее за нос», «за нею стояла покойница в том самом платье, в котором ее похоронили! Лицо ее было сердито; она подняла руку и грозила ей пальцем», «тетушка опять явилась перед нею... лицо ее казалось еще сердитее – и она еще строже ей грозила».* Маша три раза видит свою бабушку: *«тень бабушки мелькала перед нею <...> лицо ее было весело и она умильно ей улыбалась», «холодная рука гладила ее по лицу», «подле колодца стояла покойная бабушка и манила ее к себе рукою».* Таким образом, троекратный повтор, как и в фольклоре выполняет сюжетообразующую функцию.

Также в повести есть образы, заимствованные из фольклора:

1. Антропоморфные образы

Здесь таким «антропоморфным» героем является тетушка, получившая прозвище Лафертовская Маковница. «С маком связан устойчивый мотив «сверхзрения», «сверхзнания» [СД, 2004, т. 3, с. 71]. Данные черты впоследствии узнаются у тетушки.

«...называли ее за глаза колдуньей и ведьмою», «занимается непозволительным гаданием в карты и на кофе и даже знает с подозрительными людьми», «те [переселившиеся за пределы Лафертовской части] только осмеливались громко называть Маковницу ведьмою» и считали, что черный кот ее *«не кто иной, как сам нечистый дух».* В данной повести ее образ связан с нечистой силой, колдовством и мистикой. Считают ее колдуньей, потому что представляет «из себя реального человека с демонически-

ми свойствами, полученными от рождения или в результате заключения договора с нечистой силой» [СД, 2004, т. 2, с. 528].

2. Зооморфные образы

Главным и значимым зооморфным образом является образ черного кота, который является спутником ведьмы, ее помощником. Известно, что кот – животное, «наделяемое в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями и часто выступающее в паре с собакой» [СД, 2004, т. 2, с. 637], чей образ также фигурирует в повести. Собака знаменует своим лаем приход гостя в дом Маковницы. «Чаще всего нечистая сила предстает в облике черной кошки» [СД, 2004, т. 2, с. 638].

Соседи Маковницы *«уверяли, что сами видали, как в темные ночи налетал на дом старухи большой ворон с яркими, как раскаленный уголь, глазами»*. Ворон в сознании читателя русского менталитета также связан с нечистой силой.

Кот и ворон черного цвета, здесь каждое слово наполнено сакральным смыслом, так не только у образов животных есть сакральные значения, но и у их цвета. Черный цвет «обладает однозначной негативной символикой, ассоциируясь с несчастьем, мраком, землей, смертью, нечистотой, с «чужим», злым или демоническим началом, с потусторонним миром» [СД, 2004, т. 5, с. 513-514]. Черный цвет также является «одной из характеристик потустороннего мира, «того света» [СД, 2004, т. 5, с. 515].

«Толстая жаба с отвратительным криком бросилась к ней [Маше] на встречу». Жаба является олицетворением уродливых и злых начал, имеет негативную семантику, связанную с потусторонним миром.

3. Натуроморфные образы

Образ тетушки связан с мистическими огоньками, которые появляются при таинствах: *«с самого Введенского кладбища прыгающие по земле огоньки длинными рядами*

тянулись к ее [тетушкиному] дому и, доходя до калитки, один за другим, как будто проскакывая под нее, исчезали», «на дворе, подле самого колодца, вспыхнули два небольшие огонька. Огоньки эти – попеременно то погасали, то опять вспыхивали; потом они как будто ярче загорели». В СД они значатся как «огоньки блуждающие» – «мифологические существа, обычно появляющиеся в виде огоньков; посмертное воплощение грешных душ» [СД, 2004, т. 3, с. 511], их «чаще всего можно увидеть на кладбищах или в болотистых местах, на дорогах, лугах, полях, межах и границах <...> показываются в ночное время» [СД, 2004, т. 3, с. 512]. Также считается, что огоньки появляются в местах, где зарыт клад, образ которого также связан с образом старухи.

В повести есть сакральные артефакты, которые использует тетушка для гаданий и колдовства: карты, кофейная гуща, решето.

Также семантически наполнен и ключ, как символ богатства, наследства, будущей состоятельности и продолжения дела своей бабушки.

Все таинства и значимые события текста проходят в ночное время, которое в сознании читателя соотносится с опасностью: «*был в исходе двенадцатый час*», «*вдали на колокольне Никиты-мученика ударило двенадцать часов*», «*Было около полуночи*», «*Часы пробили двенадцать*».

Не только время, но и локусы являются сакрально наполненными. Так, дом Маковницы описан следующим образом: «*посреди маленького дворика, окруженного ветхим забором, виден был колодезь. В двух углах стояли полуразвалившиеся амбары <...> Подле самого крыльца выкопан был в земле небольшой погреб для хранения съестных припасов*». Здесь описаны следующие локусы: ветхий забор: граница между загробным миром и этим, зыбкость которой подчеркивает прилагательное «ветхий», амбары полуразвалившиеся: «традиционное место магико-

ритуальных действий, особенно если они уже не выполняют основной своей функции» [Коновалова, 2014, с. 6], колодец: «из-за связи с водой и подземельем осмысливается как пограничное пространство <...> канал связи с потусторонним миром» [СД, 2004, т. 2. с. 536].

Таким образом, повесть представляет собой набор мифологем, образов, сакрально значимых для читателя русской ментальности.

Синтактика подразумевает анализ влияния текста на адресата. В повести создается ощущение реальности происходящего, дан реальный хронотоп, действительные, исторические места: *«лет за пятнадцать перед сожжением Москвы недалеко от Проломной заставы», «Пресненские пруды», «Хамовники», «Пятницкая», «Введенское кладбище»*. Также события, происходящие с героями, воспринимаются как действительные и реальные: *«что касается до меня, то я нынешнюю ночь спокойно проспал; но товарищ мой, стоявший на часах, уверяет, что он видел...»*.

Обряды сопровождаются магическими действиями с использованием сакрально значимых артефактов, семантика которых была разобрана выше. В повести описан обряд, в котором старуха наколдовала Маше жениха: вначале старуха подготовила место для обряда *«подвинула стол на середину комнаты, из стенного шкафа вынула большую темно-алую свечку, зажгла ее и прикрепила к столу, а лампаду потушила»*, затем начался сам обряд: *«старуха начала ходить кругом стола и протяжным напевом произносила непонятные слова», «перед нею плавно выступал черный кот», «Маша <...> шла за бабушкой», «трижды три раза старуха обошла вокруг стола, продолжая таинственный напев свой, сопровождаемый мурлыканьем кота», «вдруг она остановилась и замолчала»*. Описана только половина обряда, дальнейшее действие остается

загадкой, но обряд явно был закончен успешно: *«я и без тебя кончила дело»*.

Итак, здесь наблюдается взаимосвязь знаков разных кодов: как вербальных, так и невербальных, которые рассмотрены выше при совершении обряда.

Вся повесть «Лафертовская маковница» построена на прагматической установке предостережений, устрашений, угроз. Сначала бабушка грозит Маше прийти к ней одной, обещав оставить ей в наследство свой клад, затем Ивановна запретила Маше рассказывать отцу *«о свидании своем с бабушкой»* и *«строго за ней присматривала»*, чтобы она не открыла всю правду отцу. Маша мучается от этих угроз, от гнева матери, секретов от батюшки своего, которому не может рассказать тайну: *«будучи в крайнем недоумении – на что решиться, вышла она со двора и в задумчивости бродила долго...»*. Конфликт обостряется ситуация узнавания: *«то самое лицо устремило на нее взор, которое некогда видела она у черного кота. Она остановилась в дверях и не могла идти далее»*. Затем Маша получает наказ от отца своего: *«вот тебе мое последнее слово: если не хочешь отдать руку свою тому, которого я выбрал, то готовься завтра поутру согласиться на предложение Аристарха Фалелешча»*.

Далее Маша оказывается в ситуации выбора, и одновременно срабатывают следующие установки: «исправление ненормального и неправильного хода событий» [Коновалова, 2007, с. 97], «предписание исполнения установленного традицией хода вещей» [Коновалова, 2007, с. 94], «защита от возможных бед, подстерегающих человека» [Коновалова, 2007, с. 96]. *«Твердою рукою сняла она с шеи шнурок и с ним ключ, полученный от бабушки <...>, бросила ключ прямо в колодец <...>. С груди ее свалился тяжёлый камень»*. Это действие имеет сакральное значение: «бросание в колодец закрытого замка или ключа осмысля-

лось как символическое удаление из сферы жилого пространства опасных объектов или нежелательных явлений» [СД, 2004, т. 2, с.539]. Одновременно с этим прагматическая установка угроз снимается и повесть заканчивается установлением традиционного хода вещей, т. е. свадьбой Маши с любимым: *«в самое то время, когда венчали Машу, потолок в лафертовском доме провалился и весь дом разрушился (тем самым разрушился локус нечистой силы). Я [Онуфрич] и так не намерен был долее в нем жить <...> Садись с нами, мой прежний товарищ, налей стакан цимлянского и пожелай молодым счастья и многие лета!»*.

В заключение можно сделать вывод, что А. Погорельский в повести «Лафертовская маковница» использует много элементов нереального с сакральным смыслом и мистическими коннотациями. Автор не только опирается на представленные в литературе традиции: система образов, хронотоп, сюжет, но и модернизирует их, что свидетельствует о том, что А. Погорельский явился новатором русской литературы вообще и русской фантастической повести в частности.

Литература

Агапкина Т. А. Мак. Колдун. Кошка. Черный. Блуждающие огоньки. Колодец. // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 171, 528, 637, 638, 513-514, 515, 511, 512, 536, 539.

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – М., 2004.

Коновалова Н. И. Литературные мистификации Антония Погорельского: фольклорные традиции и творческая индивидуальность / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 278 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988. – 654с.

Словарь иностранных слов. – М.: Прогресс, 1989. – 765 с.

Толстая С. М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995. – С. 124-127.

Толстая С. М., Толстой Н. И. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М., 1988. – С. 250-264.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

Храпченко М. Б. Текст и его свойства // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – С. 3-9.